

психологов с уверенностью выскажется как об эмпирической данности, пригодной для изучения собственно мышления, — в отличие от эмоций, внимания и т. п.? Общепризнанной экспериментальной парадигмой является «решение задач» (problem solving). В экспериментах этого типа психолог, наблюдая действия испытуемого, стремится понять, какие мыслительные операции за ними скрываются. Обращаясь еще раз к метафоре Выготского, можно сказать, что психолог пытается понять, как мысль совершается *в действии*. По современным представлениям, мыслительные операции невозможны без опоры на символы, замещающие объекты действительности. Но что это за символы? Имеют ли они что-либо общее с единицами естественного языка? Каковы элементарные операции с этими символами?

На уровне эксперимента, т. е. на уровне, где мы могли бы выдвигать гипотезы о словаре символов и характере операций с ними, эти вопросы не имеют ответа. Изучая процесс решения задач, психолог оперирует несколькими иными конструктами, и здесь его цели и цели лингвиста оказываются различными. Психолог хочет прежде всего проследить путь к решению, связи между разными этапами этого пути и проч. Лингвиста же прежде всего интересует отображение реального мира в символической форме, т. е. переход от мира объектов к словарю символов, состав самого этого словаря и характер операций с символами. Чтобы проникнуть в эту «святая святых», лингвист должен был бы так перестроить эксперимент по решению задачи, чтобы сама задача состояла в *передаче мысли*, в транслировании мысли некоторому адресату сообщения. С этой целью необходимо выйти на уровень передачи смыслов. Здесь можно говорить о двух этапах, которые в эмпирии неразделимы, но которые для исследовательских целей надо различать:

1. Переход от «интенции к мысли» к смыслу, имеющему репрезентатор в виде символа.

2. Поскольку ставится задача передачи мысли, т. е. индивид хочет сделать мысль достоянием социума, социальным фактом, ему необходимо облечь найденный репрезентатор в такую форму, которая была бы социально приемлема.

Мы тем самым выделили тот фрагмент эмпирии, который хотели бы наблюдать с целью подойти к проблеме «язык и мышление» с позиций эксперимента.

Ниже мы опишем два направления экспериментальных исследований, которые кажутся нам интересными именно в этом аспекте. Они призваны подтвердить следующие три тезиса, которые для автора данной работы являются своего рода исходными установками:

1. Мышление невозможно без опоры на некоторую символическую систему: она является необходимым каркасом мышления. Эта символическая система не обязательно совпадает с естественным языком.

2. Символическая система как таковая не задана биологически; она возникает лишь в социуме, в ответ на потребность в коммуникации.

3. Нормальное мышление формируется социумом, нарушение связи с социумом ведет к дефицитарному мышлению, вследствие чего нарушаются коммуникативные процессы.

Общим для описываемых ниже работ является плодотворный исследовательский принцип: «что скрыто в норме, то явно в патологии». Первое направление исследований, которое можно назвать изучением «патологии слова без патологии мысли» — это изучение коммуникативных процессов у лиц, для которых исконным языком общения в социуме является не словесный язык, а жестовый (врожденно глухих и рано оглохших). Второе направление исследований — это сравнительное изучение коммуникативных процессов в норме и у лиц без «патологии слова», но с «патологией мысли», а именно у больных психозами.